

Жамина Анастасия Руслановна

11 класс

Вологодская область

рег. № 2064

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

_____ школы _____

51683

20-18-8-8+1

55

ку
Вик Ч.

51683

Произведения Иосифа Бродского всегда
поэма (защит)

Всегда поэма (защит) и рисов
произведения Иосифа Бродского. Их нуж-
но переживать много раз, ища
ответа на вопросы, возникающие по
мере прочтения в себе: в душе, голове,
сердце. У этого поэта - своя филосо-
фия, своё видение мира, который
представлялся ему как совокупность
сложно организованных всемогущих кон-
тактирующих, взаимодействующих с кото-
рыми можно лишь ^{сражаться} бороться свою. Что он
и делает, создавая свои лирические тексты.

Итак, к которой надо найти
ключ - стихотворение "Тяжелый во-
здух по бескрайним холмам холмам...",
которое напоминает балладу "Лесной
ураг". И в первую очередь, это произве-
дение ставит перед читателем че-
тую важную задачу: вопросы относительно
текста, о котором ведется речь: "Что
это?" "То?" "Он?" И, след за интуицией

✓

+

ответа мифическим героям: «Кто там
кажет в холмах...»

Если обратиться к первой строке,
объект обращения представляется нам че-
ловком, и в нем не просто адресует свои
слова субъект текста, а словно предска-
зывает, предвещает его судьбу. Но под сом-
нением (даже) вводит о природе, то" ста-
вит последняя строка. Лирическое
«мурчит твоя босфаза твоя» ассоциирует-
ся с деревьями, которые, покачиваясь на
ветру, шуршащие с их листьями, шел-
таются, тихонько перешептываются, «мурчат»
долины многочисленными зелеными эр-
ками. Конечно, с другой стороны, плеску-
щие вода также как и хрипящие леса,
могут издавать похожие звуки.

Образ человека, видный в местном
пространстве, видный в динамическом тиссе,
ярко ^{замечает} виден в первой строке: «даже
если ты спишь и вокруг твоих ног за-
бывает свет». Последние слова могут
означать сон, который накрывается

на землю близко к нашим ушам и
шуршало шур. Здесь, наверное, и не воз-
никнет сомнений с определением адресата.

Вторая строка порождает нового
объекта речи: «он». Начинаясь все с
несколько разобранного сочетания «ну и», которое
словно указывает на возможность мифического пред-
хоты и является, то" на третьем этапе

мостом, но покидает ощущение, соз-
данное начальными словами. В разгово-
ре о «самом» всаднике. (Образ ^{свое} тот-только
во множественном числе — ковыляя
возле, в легкой восьмистишии. Возможно,
за дурака наследника примет ребенок, если
он вернется к балладе о восточной царь.)

Единство образов, о которых ведется по-
вествовательная часть лирического произве-
дения (маленький сюжет), охватывает
и ставший устойчивым образ за неедини-
чно употреблением имени, «свещенной»
музыкой (или (что дано), «свещенной»
улицей холмов, «при свете луны»). Этот
образ — ночной (ведь) мифический мур-
муривает все стихотворение. Она ад-

еб

состояние, когда чувствуешь себя огражден-
ным от всех вокруг. у данного писа-
теля всегда была страсть смерти, оряде до
которой, мы окунаемся в одиночество
вечное, а потому часто умирающее, но
необходимое.

Итак, в стихотворении происходит
сближение природы и человека. Оно
ясно видно все в той же третьей строке:
"Но шлово готика русских равнин пово-
щает ответ, и ураслахлаху окон блат
прекрасной равни, разливается свет...". При
этом писатель все время подчеркивает
попытку людей приобщиться к своему миру
естественности, уже данному без внеш-
него вмешательства нашего велики. Даже в этих,
приведенных выше словах, в метафоре
"слово готика русских равнин", ощущается
(это слово) это стремление. Более точно
он заметил это в предпоследней стро-
ке стихотворения: "... это всадник и готика во
тумане, и создавая свой мир по подобию брус-
ничного, и от буровой запы, от жидкого

костра и усталой до дождливых летних до
бурной поля фотоний.

Связываясь с новыми мотивами
(смерть, люди и естественной, или не ес-
тественной мир), появляется еще один -
мотив сна. Мы встречаем его впервые
в четвертой строке, в самом конце: "... иш-
но сонных очку, и засала, во сне, иш стре-
мительно скадем на юг", а в конце стихотворения
сравниваются с "мелничками сна". С одной
стороны, этот образ - состояние, знакомо
и многим людям, - может ассоциироваться
со смертью, это характерно больше для
стиха М.Ю. Вершинина. Но здесь, в дан-
ном стихотворении, есть слово это-то
еще - не смерть. Может, иллюзия? Всадни-
ки ("иш") находятся у Ч. Бродского в том
драматическом состоянии, и можно прийти к
выводу, что иш, находится пребываю в нем
на протяжении всей нашей жизни, отходя
от Великой матери, впадаем в иллюзи-
онный мир, создаваемый людьми в соот-
ветствии с законами той самой все-

земной, от которой мы удаляемся. Но
по сути вершина этой - магия сна?
И это вообще символизирует собой «во-
вой мир»?

В четвертой строке мы видим
небольшую картину: всадники стоят
на козлах у обрывов скал, смотрят на
себя в зеркальной воде, возвращаются к себе.

Можно растолковать это двумя путями.

С одной стороны, это может симво-
лизировать возвращение человека к себе
в плане обращения его к состоянию
самости, к своей природе естествен-
ной - «к себе», то есть к тому, кем
он был создан ^{ребенком} ~~дитяем~~ «Великой
матерью». Стоит на козлах у скал
предпочитая животных с крепкими зу-
бами - словно напоминание на это творение.

~~животного мира~~ Но (хотя и такое воз-
можно) всё же есть второй вариант
трактовок, и он только лишь дополнит,

^{суть этого мира} ^{эту}
Часть в тексте как отсылка
вниз, является ставшим следом,

как и «освещенной луной», устойчивым эле-
мент «зеркальной», действительности которого мир проу-
веденная видится красной и темной, а наст-
ражение - тихим. Но лирический «я» - чел-
овек, представляющий собой самой цивилизации,
у которой «безопасная толпа фонарей» на
улице. Это его видение мира - серая
куста, вода, лес. Он не может понять,
он спрашивает у лесного чаю, от лица
^{фрагольки} ~~древца~~, кто же этот, кто едет в лес...

Посмотрим на окончание четвер-
того восьмистишия: «... мы стремительно
скачем на юг». На юг - от родного, от се-
верной страны, природа - так можно рас-
смотреть на это состояние. Следующая
строфа начинается со слов: «Обращаясь
к природе: это всадники летят в туман»
«создавая свой мир по порядку вокруг себе».
Эти всадники могут символиче-
ски относиться к тому одинокому всаднику
кто скакал по холмам (разветвляясь
мы быть отходом от ^{всадника} ~~всадника~~ на ко-
торую похож данный текст. Они могут

Большая часть "лес", которые едут на юг. Отсюда можно вывести разграничение между лесом и "во лесу" - то ли конкретизированного места, куда направляются люди. Последнее означает не внешнее, то есть отсутствие леса, а внутреннее - отстранение от природы как уход от ^{нее} себя. Они хоть и возвращаются при ~~себе~~ себе, но попадают, отрываясь туда, в лесную зону, то есть, природную, неадаптированную, неестественную. Но есть те, кто возвращается, отсюда - к концу предпоследнего восьмиступенчатого: "Все равно - возвращение, все равно даже в ритме балада и есть какой-то радостный, есть какой-то локальный возврат". И "поворот назад" неизбежен: кто-то принимает это решение сам, то есть в буквальном смысле уходит от ^{природного} себя к ^{метафорическому} себе, кто-то идет к природе. Тот "шестой век", кто стоящий на коленях у борзавой зарницы и есть ^{вернувшийся} борзавой к своим истокам. Но есть и те, кто вернется к Великой

матери неизбежно, даже если сам того не хочет - в "акте" смерти. Эта мысль высказана - пусть и не сразу - в последних стихах: "... потому что не жизнь, а другая какая-то боль // прижимает к тебе, и уже не слышать, как приходит весна..." - какая "другая боль"? Тошнота самой жизни, есть только она, та, что изобретают в калюшоне и с (серией) какой в костилевых руках. И эрикейский герой просит: "не ведай уходить, разбуйтесь во всем не ведай". И весна не приходит, вернее, этого не слышно - не будет возрождения, нового рассвета.

Откуда не хочется уходить? "Лес...", - как-то говорит "я" произведение, но в этой нежности, кажется, есть что-то просащее. Он понимает и возможность, и даже пользу от "возвращения к себе", но "не ведай уходить" от того, где он сейчас. Потому что в возвращении к ^{КРУГ} природе - словно завершается ^{цикл}. Жизнь циклическая, и последний ее вздох - бросок в видение огромной боковой "Великой"

матери". И это "другое дело" (не жизнь);
потому не существует обуждения ни
в сторону тех, кто уходит в лес, ни
в сторону тех, кто остался говорить
"от лица преуспевших домов". Каждый,
наверное, делает свой выбор.

Вершина этой как маятник
сна - это словно мимолетная
мимолетная драма в этом драматизмом
конкретности. И речь идет вовсе не только
о природе и человеке, их взаимодействии, к
каковой обращались и М. Волошин, и
и Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. Блок и С. Есе-
нин. Говорится и о мимолетном выбо-
ре ~~человека~~, и о его мимолетных, о стран-
ном его, о фактом положении, о его приро-
де, о том, как же он и где его место; о
жизни и смерти - двух заклятых друзьях.

Подобно Л. Е. Ушуккой, которая
пишет, исследуя ^{как она была описана} ~~человека~~ людей, их
постижки, Иосиф Бродский в своем
стихотворении рассуждает прежде всего
о "саянцах", поднимая, наверное, важные

вопросы. Он не отрицает связь, очень тес-
ную связь людей и мира, который они
преобладают - напротив, прямо говорит
о том, что уходя от него, мы ищем
его в своих "созданиях": верхушки елей -
в юности, доброе зарюда - в мимолетах,
свет ^{лунно-ночной} - фонари, паша. И, ~~более того~~ / ~~мы~~
не можем найти себя в мире естествен-
ном себе, и ~~но~~ этот ^{мимолет} мир искусственного
уже создан, и создан для того, чтобы в зам-
моделировать с друими ^{"лабиринтами"} - поэтому нет
странного в том, что многие люди
у людей напоминают природу ~~близ~~,
верь это и есть то, к чему стремился
и сам Иосиф Бродский: создать свою вселен-
ную, соприкасаться с друими. Есть те,
кто "отходит от цивилизации" - удаляются
в лес в данном произведении. Бродский
смотрит на луну, только ее излучает -
отдает дань естественному источнику
света во тьме. У него получается
возвратиться. Возможно, этот образ
может быть рассмотрен и как миф

действительной смерти: оттого употреб-
ляется несколько метафоричное сочетание
слов "возле самых небес" (третья ступень).
Но невозможность найти путь к миру
сердцу "Великой матери", следовательно наши
изобретения, нехочая от них отказываться,
- в невозможности воссоздать фактосо-
го в лес, следовательно фонарик...

"Кто" - так часто повторяющееся
в стихотворении слово. "Кто" - это он,
Цосиф Бродский, а, во - мы. В похожем
по стилю, перемене объекта обращения,
многие образы и мысли на поток
сознания произведений обнаруживается
большое ^{сообщество} ~~общество~~ ^{связанных} ~~связанных~~ ^{смыслов} и мотивов, возмущают
ся разные точки зрения на проблему; но по-
мимо всего прочего, помимо всех идей, чувств
видится, пусть и не явно, и не сразу, то,
о чем этот поэт говорил в Нобелевской
лекции: "Каждый человек <...> должен
прожить свою собственную, не навре-
данную ифне, даже самым благород-
ным образом возможную жизнь. Это

у каждого из нас она только одна, и мы
хорошо знаем, в чем-то это касается".

Работа надписана идее сферы сознания и природы -
и этот аспект стихотворения рассматривать придется
подробнее (хотя рассуждения прерываются
вперед очень нерешительно, автор работает по ходу
мышления не менее, буржуа не в силах отделиться
от приверженного герма). Препятствием бы
внимания остаются субъективные структуры
герма (хотя попытка описать то и другое, и
который обозначен как "кто-то", себя). Жесткие
определения демонстрирует и достаточно много
эрудицию, первоначально у себя иберется. слова
уверенности.

Куз

555